

Наталья Запорожцева

ХОЗЯЙКА «БАШНИ»

Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1866–1907)

В Петербурге на пересечении Таврической и Тверской улиц сохранился пятиэтажный доходный дом И.И. Дернова с богатым декором фасада, лепными панно в интерьерах, витражами и мраморной лестницей в парадной — образец поздней эклектики и модерна архитектора М.Н. Кондратьева. Дом закругляется угловой башней, глядящей сверху в Таврический сад. Этот «Дом с башней» прославили в начале XX века жильцы угловой квартиры под номером 24 на мансардном этаже: поэт, профессор классической филологии Вячеслав Иванов и его супруга — писательница Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал. На последний шестой этаж нужно было подниматься пешком. Нижний большой вестибюль и лестницы до четвёртого этажа были покрыты коврами. Печи были голландские, изразцовые, лампы керосиновые. В вестибюле гостей встречал швейцар Павел, одетый в ливрею. В передней висела старая меховая накидка, прозванная «общественной пелеринкой». Хозяева и гости накидывали её на плечи, когда нужно было спуститься к телефону. Таврическая долгое время была окраиной, питерским захолустьем в районе, называемом Пески. За ней были только капустные огороды Преображенского полка. «Из Башни открывался вид на Таврический сад и пруды с лебедями. За Невой — фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте. В сумеречный час ухают пушки, возвещая поднятие воды в Неве, и ветер с моря, крутя вихрем жёлтые листья парка, стонет и стучится в мою башню», — писал Вячеслав Иванов.

«Башня» Вячеслава Иванова навсегда вошла в историю символизма и всего Серебряного века. Почти вся наша молодая тогда поэзия если не вышла из ивановской «Башни», то прошла через неё. 7 сентября 1905 здесь начались регулярные литературные собрания — «среды» Вячеслава Иванова, которые продолжались до 1912 года.

Супруги Ивановы были странной на вид парой, полной противоположностью. Манерный Вячеслав Иванов с высоким женским голосом, изящными руками и движениями и крупная, как гренадёр, грубоватая, хриплоголосая Лидия. Тем не менее, они гармонично дополняли друг друга, и Лидия Дмитриевна, не терпевшая прислуг, великолепно управляла домом и гостями, была душой, Психеей, Сивиллой «Ивановских сред». Вячеслав писал:

*Пришлец на башне притон я обрёл
С моею царицей — Сивиллой.
Над городом-мороком, — смутный орёл
С орлицею ширококрылой.*

Впечатления гостей о хозяйке литературного салона были противоречивыми. Одни, особенно долгожители, преклонялись перед Лидией Дмитриевной — небожительницей, «дионисической натурой», бурной, порывистой, стихийной, отмечали её ум, одержимость литературой, артистизм, поражались её особому таланту общения с людьми. Она умела с одинаковой доброжелательностью выслушивать остроты английского джентльмена, утончённые символистские рассуждения петербургского эстета и горячую просьбу простой деревенской бабы. Зоркая жена Макса Волошина, художница Маргарита Сабашникова, оставила не только её живописный портрет, но и словесный: «В Лидии поражала... микеланджеловская тяжеловесность... В посадке головы было что-то львиное; крепкая шея, отважный взгляд, а также маленькие, плотно прилегающие уши усиливали сходство со львом. Но самым своеобразным в ней были её краски: волосы белокурые с розовым отливом, а кожа смуглая, благодаря чему особенно выделялись блестящие белки её глаз». Другие посетители «Башни», такие как Кузмин, живший месяцами на Башне, умело скрывали свою неприязнь к хозяйке: «К тому времени, как я познакомился с Зиновьевой, ей было года сорок два, — писал он в дневнике. — Это была крупная, громоздкая женщина с широким пятиугольным лицом, скуластым и истасканным, с негритянским ртом, огромны-

Лидия Дмитриевна
Зиновьева-Аннибал
(Иванова)

ми порами на коже, выкрашенными, как доска, в нежно-розовую краску, с огромными водянисто-белыми глазами среди грубо наведённых свинцово-пепельных синяков. Лицо было трагическое и волшебное. Для здорового взгляда она представлялась каким-то чудовищем, дикарским мавзолеем. В её комнате стояла урна, крышки от диванов и масса цветных подушек. Там она лежала, курила, читала, пела и писала на мелких бумажках без нумерации бесконечные свои романы и пьесы».

Богатый отец Лидии Дмитрий Зиновьев был родом из сербских князей. Её мать, урождённая баронесса Веймарн, была шведкой по отцу, а по материнской линии примыкала к семье Ганнибала — предка Пушкина. Отсюда и полупсевдоним Зиновьевой, Аннибал, который необыкновенно шёл к ней. Лидия получила домашнее образование. Непродолжительное время она училась в петербургской женской гимназии, откуда была исключена за строптивость. Два года провела в немецкой школе диаконис. Увлёклась революционными идеями, подружившись с эсерами. Затем выскочила замуж за домашнего учителя Шварсалона, прожила с ним шесть лет, родила троих детей и, оставив мужа, бежала за границу.

В 1895 году «золотоволосая, жадная к жизни, щедрая» Зиновьева-Аннибал, скитаясь по Европе, встретила «узкоплечего немецкого школяра-мечтателя, втихомолку слагавшего странные стихи, и взяла его, повлекла, поволокла». Эта встреча, по словам самого Иванова, «была подобна могучей весенней дионисийской грозе, после которой всё... обновилось, расцвело, зазеленело». Встреча с Вячеславом Ивановым изменила её жизнь. Она начала учиться пению, добилась дебюта в миланском театре «La Scala», но потеряла голос из-за паралича связок. С тех пор у неё остались только единичные великолепные ноты замечательного по тембру голоса среди полного хрипа. В драме «Кольца» она писала: «Не помню себя до него, какая была. Была ли вообще? Я — он. Вся в нём». Она решила посвятить свою жизнь мужу, «Вячеславу Великолепному» и литературе.

В 1905 между изобразительным и словесным искусством стал намечаться плодотворный симбиоз. Эту пору и почувствовал Вячеслав Иванов. Художникам импонировала идея союза с поэтами. Литераторы же видели в художниках особую миссию по выражению символистских идей. Вячеслав Иванов торопился в Россию, стремясь участвовать в бурной литературной деятельности. В вещем сне Лидии приснилась круглая комната с урной посереди-

не. После скитания по Европе, бракоразводных процессов летом 1905 года супруги нашли такой дом и обосновались в Петербурге на Таврической. Двумя этажами ниже в доме размещалась художественная студия Е.Н. Званцевой, где преподавали К.А. Сомов, К.С. Петров-Водкин, М.В. Добужинский, Л.С. Бакст.

В замужестве за Ивановым начался лучший литературный период жизни Л.Д. Зиновьевой. Она выпустила книгу рассказов «Трагический зверинец» из детских воспоминаний. Эту книгу высоко ценила Марина Цветаева. Не без влияния «Трагического зверинца» появились «Зверинец» Велимира Хлебникова и «Небесные верблюжата» Елены Гуро. К своей литературной деятельности Лидия Дмитриевна относилась серьёзно и работала регулярно. Но не обольщалась своими литературными успехами. Называла её странной символической фантастикой на современную революционную тему. И «если позор неудачи отобьёт охоту быть “литератором” в цирке судорожных состязаний», тогда грозились уйти в «действенную революцию».

Она и мужа понуждала к регулярной литературной деятельности. Роман «Пламенники», писавшийся ею в 1900-х годах, так и остался неоконченным, как и драма «Великий колокол», который она обещала Мейерхольду. В богемной среде, где культивировался культ Диониса, оргиастическая раскрепощённость, идеи «живой жизни», плодотворность экстаза для творчества, никого не удивляли идеи свободной любви. Большой скандал вызвали книги Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» и «Крылья» М. Кузмина об однополой любви. Такая стихия Эроса в соединении с утончённым академизмом Вяч. Иванова создавали в «Башне» изящно-богемную обстановку, талантливую, поэтически раскованную атмосферу общения. Благодаря тонкому чутью и безупречному вкусу Вячеслава Иванова в поэзии он умел угадывать таланты, и молодые поэты получали здесь поддержку и разбор стихов. Недаром хозяина салона называли «Ловцом человеков».

В огромной квартире Ивановых можно было оставаться неделями — думать, творить, музицировать. Порой хозяин квартиры и не догадывался, что в дальних комнатах живут ещё какие-то люди. Он творил ночью. Просыпался к полудню; отобедав, общался с посетителями. По средам в его салоне собирался весь литературный бомонд, и каждый чувствовал заботу и расположение хозяина. Хозяйка и поэты вполне в духе времени облачались в античные одежды и устраивали «Кабачок Гафиза». В большой

гостиной Иванова расстилали ковры, зажигали свечи, ставили на пол подносы с вином, сыром и сладостями и возлежали на бархатных подушках, предаваясь беседам, слушая стихи и музыку. В скучных докладчиков кидали апельсиновые корки. Иногда атмосфера была очень мистической, а иногда весьма душевной и проникнутой эротизмом. На рассвете гости выходили из башни на плоскую крышу и любовались на пышную зелень Таврического сада, вдыхая ароматы сирени и жасмина.

Именно здесь на крыше Александр Блок впервые прочитал свою «Незнакомку». Корней Чуковский описал это событие: «В белую петербургскую ночь мы, художники, поэты, артисты, опьянённые стихами и вином, вышли под белёсое небо, и Блок, медлительный, внешне спокойный, молодой, загорелый, взобрался на большую железную раму, соединявшую провода, и по нашей неотступной мольбе прочитал эту бессмертную балладу своим сдержанным, глухим, монотонным, безвольным, трагическим голосом. Едва только он произнёс последнее слово, из Таврического сада донеслось до нас многоголосое соловьиное пение». Кузмин усаживался за рояль, чтобы петь до 4-х часов ночи свои стихотворения, к которым он писал очень хорошую музыку. Поэт вечно нуждался в деньгах, поэтому на несколько лет поселился жильцом на «Башне», откуда убегал по чёрной лестнице в какие-то притоны и возвращался с подбитым носом и синяками. Юная Анна Ахматова дебютировала со стихами на «Башне» 14 июня 1910 года. Иванов очень сурово прослушал её стихи, одобрил только одно. Ахматова возненавидела его: «Он уводил к себе, просил читать, вытирал слёзы, хвалил, оттуда выводил ко всем — и там ругал». Это не помешало Ахматовой посещать «Башню», где, помимо стихов, она иногда демонстрировала окружающим чудеса гибкости: перегнувшись назад, она, стоя, зубами поднимала с пола спичку или обнимала ногами свою шею. «Это был единственный настоящий салон, который мне довелось видеть», — говорила Анна Андреевна.

На «исторических средах» случались собрания-гиганты, в которых участвовало до 70 человек. Приходили, не думая о принадлежности к определённому политическому или эстетическому лагерю; двери были открыты для всех желающих. «Высоко вздымалась Башня над ходячей литературой», — писал Е.В. Аничков. Вяч. Иванов провозглашал идею о создании всенародного искусства. Он хотел превратить общение людей в платоновский «сим-

поссион». Николай Бердяев председательствовал с привязанным к ноге звонком, а половые вопросы обсуждали, конечно же, сидя на полу.

«Кто только не сиживал у нас за столом! — вспоминала дочь Иванова Лидия. — Крупные писатели, поэты, философы, художники, актёры, музыканты, профессора, студенты, начинающие поэты, оккультисты; люди полусумасшедшие на самом деле и другие, выкидывающие что-то для оригинальности; декаденты, экзальтированные дамы». Из самых громких посетителей Башни — Ахматова, Брюсов, Белый, Блок, Горький, Гумилёв, Городецкий, Гиппиус, Волошин, Кузмин, Мережковский, Мандельштам, Мейерхольд, Ремизов, Розанов, Сологуб, Хлебников, Чулков. Из художников — Сомов, Бакст, Добужинский, Лансере, Судейкин. Из философов — Бердяев, Шестов, Булгаков. Из учёных — Гершензон, Котляревский, Ростовцев. К ивановским гостям время от времени присоединялись и посетители его соседки Елизаветы Званцевой, державшей этажом ниже художественную школу, — Николай Тырса, Михаил Матюшин, Елена Гуро, Георгий Нарбут. «Башенные среды» (вернее, четверги, т. к. посетители собирались ближе к полуночи) начинались с чтения докладов на различные темы — религиозные, литературные, политические, оккультные. После выступления начинались обсуждения и споры. Председателем собраний в первые годы был Николай Бердяев. Мистический анархизм, мистический реализм, символизм, оккультизм, неохристианство — все эти течения обозначились на средах, имели своих представителей. Слушали новые стихи и рассказы гостей, занимались спиритизмом, обсуждали новые журналы и Мейерхольда, рисовали карикатуры, пили чай и вино, закусывали бутербродами (бутербротами, в написании Зиновьевой-Аннибал) с колбасой на ситном хлебе, — словом, занимались тем, чем всегда занимаются во всех литературно-артистических компаниях, просто компания эта включала самых талантливых людей обеих столиц.

В письмах-дневниках Зиновьевой-Аннибал слышится её хриплый голос, наблюдательность, любовь к безапелляционным характеристикам и даже фонетика речи: «Я же сказала, что нет пошлых тэм, есть только художественная и антихудожественная трактовка».

Взаимоотношения внутри кружка идиллическими не назовёшь. Не исключением были скандалы, розыгрыши, вызовы

на дуэль, обыски охранки. Со временем, как вспоминал Пяст, на Башне стали появляться «около-художники», «около-музыканты» и «около-литераторы». Художник Константин Сомов, посетив салон в марте 1907, был разочарован: «Только Иванов сам очень культурный и блестящий человек, умный и искусный поэт, антураж его мне, скорее, скучен». Анекдотическую историю одной психопатки, пришедшей на «Башню» за зародышем от гения, поведал Михаил Кузмин. Намерения дамы пресекла Зиновьева-Аннибал, швырнув в неё керосиновой лампой.

«Башня» Иванова осуществляла синтез идей — гуманистических и соборных, светских и религиозных. Огонь и Свет Башни надолго сохранился в России. Хотя задуманный Ивановым творческий союз художников и литераторов не состоялся в полном объёме, но брошенные семена «солнечного старца с душой ребёнка» всё же дали свои всходы. Мейерхольд утверждал, что именно Вяч. Иванов открыл пути возрождения театра, интерес к старинному театру. Художники увековечили «Башню» портретной галереей, Бакст посвятил ей картину «Древний ужас».

В 1907 году на отдыхе в деревне Лидия Дмитриевна помогала лечить больных скарлатиной детей, заразилась сама и умерла. Похоронена в Петербурге на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Скоропостижная смерть Зиновьевой-Аннибал потрясла всех. Литераторы вспомнили, что она была не только добродетельной хозяйкой «Башни», но и незаурядной писательницей. С ней, по выражению Николая Бердяева, «умерла и душа» сред. Через пять лет Вячеслав Иванов навсегда покинул родину. Ярким продолжением духа «Башни» стала Башня Максимилиана Волошина в Коктебеле.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Трагический зверинец», Дневники Л. Зиновьевой-Аннибал.
2. Биографический словарь «Русские писатели 20 века», 2000 г.
3. Вопросы литературы, 03–04 1998 г.
4. Статьи Вячеслава Иванова, Ивана Толстого, Ильи Фоякова, Галины Семененко, С. Титаренко, М. Бородаевской, Ю. Демиденко, А.Б. Шишкина, Э.В. Ярова.